

Глава 6

Крестьянин, который раз в месяц привозил в долину припасы, жил у самого подножия гор. Я провел у него ночь, расплатился золотым листом и велел больше в долину не заходить. Если после моего ухода объявятся те, кто доставляет почту, пусть просто передаст им мой ответ.

Я написал письмо. Первое и последнее, и неважно, дойдет ли оно до адресата. Мне хотелось сказать ему так много, задать тысячи вопросов, но когда я коснулся кистью бумаги, то раз за разом выводил лишь его имя. Один лист за другим летел в сторону, скомканный и брошенный.

В итоге я все же закончил послание. Надеюсь, он увидит его. Надеюсь, поймет.

Заранее приготовленным порохом я взорвал единственный путь, ведущий в долину, окончательно отрезав себе дорогу назад. Сейчас мне нельзя возвращаться в Небесную династию. Хотя прошло четыре года и я заметно вытянулся, лицо мое почти не изменилось.

Поэтому я решил сначала отправиться в Восточную Мин. Хотелось своими глазами увидеть страну, которой он так преданно служил.

Крестьянин договорился с извозчиком из соседней деревни, чтобы тот доставил меня на место. Долина Забвения Забот притаилась на стыке границ трех государств: Небесной династии, Восточной Мин и Северной Вэй, так что до рубежей Восточной Мин было рукой подать. Однако до ближайшего жилого города пришлось трястись в повозке около пяти дней. Горные тропы изматывали, и для меня, никогда не покидавшего свой приют, это стало настоящим испытанием. Но по сравнению с тем, что я задумал, это была лишь досадная мелочь.

Пограничный город Сяодоу оказался куда многолюднее и богаче, чем я себе представлял. Правда, в самом воздухе разлилось странное, необъяснимое напряжение. Расплатившись, я отпустил извозчика. Стоило мне ступить на эту землю, как мысли о «великих свершениях» отошли на второй план. В подсознании пробудилось чужое, не принадлежащее мне воодушевление. Я искренне радовался тому, что оказался здесь.

Я знал: это его тень, пустившая корни в моей душе. Нужно как можно скорее избавиться от этого наваждения, иначе оно принесет лишь беду.

Оглядевшись, я заметил на пустыре неподалеку от городских ворот огромную очередь. Расспросив прохожих, я узнал, что власти набирают рекрутов. Насколько я помнил из книг, в древности воинская повинность была тяжким бременем, вызывавшим лишь ропот и слезы.

— Согласно уставу военного ведомства, — рассуждал я вслух, — мужчины, достигшие восемнадцати лет и не обремененные семьей, обязаны отслужить три года. Массовый набор вне военного времени запрещен, чтобы не разорять народ. Почему же сейчас забирают всех от шестнадцати до сорока шести? Сяодоу вряд ли вместит такую ораву.

— Послушай, парень, — доверительно шепнул мне стоящий рядом мужчина. — Сверху пришел указ: северяне вот-вот ударят. Неужто ты будешь спокойно смотреть, как эти варвары топчут нашу землю и обижают стариков? Никто из нас не жаждет крови, но если враг ломится в двери, выбирать не приходится. Война на пороге. Слушай, малец, ты тут уже битый час выведываешь всё. Писать-то будешь? Не умеешь — ставь отпечаток пальца и проваливай, видишь, сколько за тобой людей!

— Да пишу я, пишу, — я недовольно сверкнул глазами и отложил кисть, встретившись с подозрительным взглядом чиновника.

— Тебе хоть шестнадцать есть? — усомнился тот. — С виду — лет двенадцать-тринадцать, не больше. Малыш, шел бы ты домой в игрушки играть, чего под ногами путаешься?

— В детстве семья голодала, вот и не вырос. Не моя в том вина. Мне действительно шестнадцать.

Я на ходу выдумывал оправдания, не заботясь о правдоподобности. Моей целью вовсе не была армейская казарма. Просто я слишком долго расспрашивал о наборе и, будучи чужаком, боялся показаться шпионом с севера, вот и влез в эту очередь. Услышанное лишь подтвердило мои догадки о странностях происходящего. Я поддался любопытству — дурная привычка, от которой я не раз пытался избавиться. Лишь бы она не помешала моему главному делу.

Чиновник смерил меня презрительным взглядом:

— И на что ты годен? Щуплый, мелкий... Ты небось и меч-то не поднимешь. Хотя мордашка смазливая, может, пришел наших ребят делом потешить?

Окружающие взорвались хохотом. В глазах писаря промелькнуло нечто сальное и мерзкое. Я посмотрел на него ледяным взглядом. Почти небрежно я метнул в него кисть, которой только что писал. Раздался вопль, чиновник рухнул на землю, заходясь в неконтролируемых судорогах. Его помощники застыли от ужаса.

Хотя я не владел боевыми искусствами, расправиться с этим бумажным червем, умеющим лишь чесать языком, не составило труда. Похоже, этот книжный задохлик и в армии не пользовался уважением: кроме двух его прихлебателей, никто не поспешил на помощь. Напротив, в толпе послышались одобрителльные выкрики.

— Откуда взялся этот наглец?! — прогремел густой мужской голос. — Как смеешь ты нападать на должностное лицо! Взять его!

Из толпы вышел человек, чья мощь и властность не шли ни в какое сравнение с давешним писарем. Такую ауру мог приобрести лишь закаленный в боях командир. Поняв, что дело пахнет керосином, я мгновенно вскочил на стол и прокричал, обращаясь к людям:

— Я пришел сюда, чтобы отдать долг родине! Для любого мужчины честь — пасть на поле брани. Но я не ожидал, что в армии Восточной Мин служат такие гнилые и ничтожные людишки! Доблестные мужи Сяодоу! Неужели вы готовы подчиняться тем, кто ни разу не сидел в седле и не держал меча? Тем, кто умеет лишь интриговать и унижать? Неужели вы позволите этим «чинам» растоптать ваши стремления своим поганым языком?

Публичные выступления — не мой конек, но эти слова попали в цель. Толпа зашумела. Послышались выкрики: «Гнать таких взашей из Сяодоу!» Видя, что эффект достигнут, я хотел было спрыгнуть со стола, но один окрик заставил меня замереть.

— Молчать!

Замолкли все. Толпа расступилась, и ко мне размашистым шагом подошел генерал в сияющих серебряных доспехах. Оказавшись в нелепом положении, я не нашел ничего лучше, как просто усесться на стол, подперев подбородок рукой, и вызывающе взглянуть на него.

Кожа генерала была темной от палящего солнца и ветров — верный признак опытного воина. Его суровое лицо не выражало ничего, кроме холодной строгости.

— Кто ты такой? — спросил он.

Чтобы не искушать судьбу, я ответил честно (почти):

— Зовут меня Цинмин, я из южных краев. Родители давно умерли, я скитался вместе с наставником, пока в прошлом месяце болезнь не свела его в могилу на чужбине. Похоронив учителя, я услышал о наборе и решил попытать удачу. Если не слоюсь в бою, то смогу хотя бы лечить раненых братьев по оружию.

Даже если Юйвэнь Му услышит это имя, вряд ли он свяжет его со мной. Стал бы великий государственный наставник интересоваться списками рекрутов в захолустье? А что до наставника... прости, учитель, за такую «смерть» в моих рассказах.

— Ты лекарь? У кого учился?

— Мой учитель был странствующим врачом, его имя вряд ли известно генералу. Я провел с ним три года и кое-что смыслю в медицине. Могу быть полезен. Если не верите — прикажите привести раненых, я покажу, на что способен.

На самом деле, мой наставник в долине посвятил жизнь спасению людей, я же считал это скучным и куда больше интересовался ядами. Но в полевой хирургии я все же поднаторел, да и обычная простуда не поставила бы меня в тупик. Однако с чем-то серьезным мои «поверхностные» знания вряд ли бы совладали.

Генерал взглянул на корчащегося под столом чиновника, затем снова на меня.

— Проверка не нужна. Цинмин, верно? Завтра до полудня явишься в лагерь за городскими воротами. Эй, кто-нибудь! Господин Хэ сегодня переутомился, проводите его в шатер, пусть отдохнет. За набор теперь отвечает Ли Цзян.

— Зачем ждать до завтра? — я спрыгнул на землю и подхватил свой узелок. — Я готов, идемте сейчас.

Будучи новичком в этих краях, я только выиграл от такого решения — не пришлось искать ночлег.

— Благодарю за доверие, генерал, — мысленно добавил я.

Конечно, только мысленно. Узнай он правду, моей головы не хватило бы и на один замах его меча.

Минув месяц. Поначалу я целыми днями просиживал в лекарском шатре, ожидая пациентов, но, несмотря на слухи о скорой войне и изматывающие тренировки, раненых почти не было. Нас, врачей, здесь было больше двадцати человек, и пока солдаты проливали пот на плацу, мои коллеги резались в кости или просто чесали языками. Заняться было решительно нечем.

В первые три дня шатер брали штурмом, но вовсе не ради лечения. Солдаты просто заглядывали внутрь, шептались и уходили. Некоторые пытались завести разговор, а на вопрос о самочувствии несли какую-то околесицу. Самые наглые и вовсе переходили к сальным шуточкам, пока мое терпение не лопнуло. Парочка приемов, опробованных на писаре, быстро очистила помещение.

Настоящих пациентов было всего двое: один объелся какой-то дрянью, а второй — повар — порезал руку.

После этого я стал целыми днями пропадать за пределами лагеря под предлогом сбора трав. За это время я изучил Сяодоу и заставу Рассвета вдоль и поперек.

Один воин стоит тысячи — это выражение как нельзя лучше подходило к заставе Рассвета. Для Восточной Мин, граничащей с Северной Вэй и Небесной династией, это место было идеальным природным щитом. Взять такую крепость можно было только изнутри; падение заставы Рассвета открывало врагу путь в самое сердце страны. На северо-западе границы охраняли элитные войска, а юго-запад, после падения семьи Оуян, перестал быть угрозой. Но главной силой заставы был её командир — Сун Хуаймин.

Он выиграл военные состязания в совсем юном возрасте и стал генералом, едва достигнув зрелости. Солдаты произносили его имя с благоговением. Было очевидно: этот человек не только талантлив, но и безгранично предан своему правителю.

Я возвращался в лагерь в сумерках. За этот месяц я не только наполнил корзину травами, но и нашел в горах чудесные места для отдыха и сна. В лагере меня считали прилежным новичком, «трудолюбивой пчелкой», и только я знал, как на самом деле наслаждаюсь свободой.

Разделять радость с другими — хорошо, но наслаждаться ею в одиночку — мой принцип.

На полпути я остановился. Чувство досады кольнуло сердце. За мной тащился «таракан». Противно. Пока он далеко, я не обращал внимания, но преследователь явно не собирался отставать.

Протопав еще немного, я почувствовал, что он подобрался совсем близко — метров десять, не больше. Я резко развернулся. Кусты неестественно колыхнулись. Я презрительно хмыкнул.

— Не умеешь следить — не берись. Видимо, слухи о войне — просто сказки, раз у господина Хэ есть время играть со мной в прятки?

Поняв, что раскрыт, из зарослей выбрался тот самый чиновник. Его лицо в сгущающихся сумерках казалось маской похоти.

— Лекарь, всё еще дуешься за тот случай? — он подошел ближе, мерзко ухмыляясь. — Видишь... теперь ты здесь. Нам еще долго быть вместе, не думаешь же ты, что сможешь вечно меня избегать?

«Я тебя избегаю?» От этой фразы мне едва не стало смешно. После того как я ткнул его кистью, он, узнав, что я в лагере, боялся даже звать врачей, лишь бы не встретиться со мной снова. Видимо, за месяц он разузнал, что я не владею боевыми искусствами, и набрался смелости.

Он подходил всё ближе, глаза его лихорадочно блестели. Когда он уже был готов броситься на меня, его тело, словно в дешевом кино, наткнулось на невидимую преграду и отлетело в кусты. Хэ повалился на землю, завывая от боли.

— Ты... как ты смеешь... — прохрипел он, пытаясь обвинить меня, но тут же осекся, и лицо его стало мертвенно-бледным.

— Так вот где господин Хэ. В штабе важное дело, требующее вашего участия. Прошу вас, пройдемте.

Из темноты донесся голос — холодный, как лед, но глубокий и властный. Избитый чиновник,

пошатываясь, вскочил на ноги:

— Генерал Сун... Какое дело?

— Узнаете, когда вернемся.

Хэ, не смея перечить, поспешно скрылся из виду. Когда его шаги стихли, я обернулся:

— Благодарю за спасение, генерал.

Сун Хуаймин стоял в тени деревьев. В сумраке он пронзительно смотрел на меня, и были видны лишь его глаза. От этого взгляда по спине пробежал холодок.

— Я не тебя спасал, — отрезал он. — А его.

Сердце пропустило удар, но я сохранил невозмутимость:

— Что вы имеете в виду?

Генерал проследил взглядом за тем местом, где скрылся Хэ.

— Опоздай я на мгновение — и мне пришлось бы убирать труп. Не знаю, что ты там прятал, но он бы не выжил. Смерть императорского чиновника в моем лагере — это лишние проблемы.

Я незаметно убрал руку с ядовитой иглой. Старый развратник был в секунде от того, чтобы почувствовать, как его сердце разрывается от боли «тысячи муравьев».

— С завтрашнего дня перебирайся в мой шатер, — бросил генерал, разворачиваясь. — Будешь моим личным лекарем. Не хочу, чтобы мои люди гибли от рук собственного врача еще до начала сражения.

Я смотрел ему в спину и едва заметно, холодно улыбнулся.

Сун Хуаймин. А этот человек... определенно интересен.

<http://bllate.org/book/17477/1693231>